

Мояк. комсомолец. - 1996. - 3 февр. - с. 2.

Уж кем-кем, а "рубахой-парнем" его не назовешь. Нет, он не ходит по театру этакой "букой", но никому не придет в голову хлопнуть его по плечу и, с присущей театру некоторой свободой нравов, приветствовать легкомысленным: "Привет, старик!". Александр Михайлов не располагает к фамильярности. В этом красивом, высоком, мужественном человеке читается удивительное достоинство, самым замечательным образом сочетающееся с беспредельным обаянием...

— Вы производите впечатление на редкость необычайного человека. Такой у вас характер?

— Да нет, пожалуй, не характер. Я, в общем-то, не такой уж замкнутый, каким кажусь. Это во мне морской закон на всю жизнь остался с тех лет, что я провел в море. "Что мне говорит, должно во мне умереть".

— ???

— Ну хорошо. Попробую проиллюстрировать это одной историей из моей морской жизни. Я был еще совсем молоденьким мальчишкой, мне было семнадцать, когда я наконец добился осуществления своей детской мечты. Я стал ходить в море на рыболовецких судах. А это случилось во втором моем рейсе к берегам Аляски через Сангарский пролив, Японское и Охотское моря. Занимал рейс, как правило, семь-восемь месяцев — это важная деталь для моего рассказа. И вот, как только я ступил на палубу, кто-то из команды показал мне издали человека и строго-настрого запретил мне с ним разговаривать. Ни слова, ни полслова. Это был крепкий бойкот, вполне этим человеком заслуженный, как потом выяснилось. Воделся за ним грех стукачества. И с ним действительно никто из команды не сказал ни единого слова. Даже по делу. За него вахты отставали, чтобы никак с ним не соприкоснуться. А рейс, наминаю, длился семь-восемь месяцев. На моих глазах этот человек серел лицом, худел и превращался в собственную тень. Смотреть на него было страшно, и, даже понимая справедливость такого наказания, нельзя было сердцем принять безоговорочно его жестокость. И как-то я не выдержал. Я подошел к нему, как всегда одиноко стоящему на палубе, и попытался с ним заговорить. Нельзя сказать, что мне это удалось. Он запустил в меня отборным матом, и дружеской беседы, как ты сама понимаешь, не получилось. Потом я понял, что он меня спасал. Он хорошо знал законы моря и понимал, чем грозит мне отступничество. Да, он хорошо знал законы моря и ни на что не рассчитывал, когда с криком: "Простите, братцы!" бросился за борт. Все правила, соответствующие ситуации, были соблюдены, но... спасательный круг был брошен на несколько секунд позже, а разворот судна по тревоге "человек за бортом" был сделан чуть больше... Конечно, он погиб, потому что в ледяной воде больше 10—15 минут не продержаться. А мне, кстати, в тот вечер, когда я нарушил бойкот, крепко досталось. Избили братцы-матросики, да так, что дня три в каюте провалялся. Правда, как потом уже на берегу выяснилось, все-таки они мне мой солидный возраст зачли, пожалели...

— И морские правила стали правилами жизни?

— В какой-то степени. А потом ты не забывай о моей провинциальной "школе". Девять лет саратовского театра тоже могут многому научить на всю жизнь. В провинции такая борьба за выживаемость, которая тут, в Москве, и не снилась. Так что у меня правило простое: пришел в коллектив — не распахивайся, не подставляйся, да и язык держи за зубами.

— А это не означает, что вы себя в Малом еще не чувствуете "дома".

— Нет. Малый стал мне "домом" почти сразу. Привел меня Владимир Андреев, и я за это ему очень благодарен. В Ермоловском театре я у него сыграл несколько ролей, и за несколько лет совместной работы Владимир Алексеевич стал моим другом. И остался до сих пор. Он ме-

для себя. Малый ассоциируется с могучим, тяжелым океанским лайнером (прости мне морские мотивы), который неторопливо режет волну и идет своим курсом. Ни шторм, ни качка с этого курса его не собьют.

— А как вообще родилась мысль стать актером? Насколько я знаю, вы выросли не в театральной среде. Как всякий нормальный мальчик, наверняка хотели стать пожарником, милиционером, летчиком...

— Моряком. Вот уж что действительно занимало мои мысли, так это море, хотя родился я в сугубо сухопутном степном Забайкалье. В детстве я читался Джека Лондона, полюбил его мертвоту, и сейчас это один из самых любимых

чер намеревался пойти в ресторан, и все же я почему-то в ресторан не пошел.

— Это была судьба?

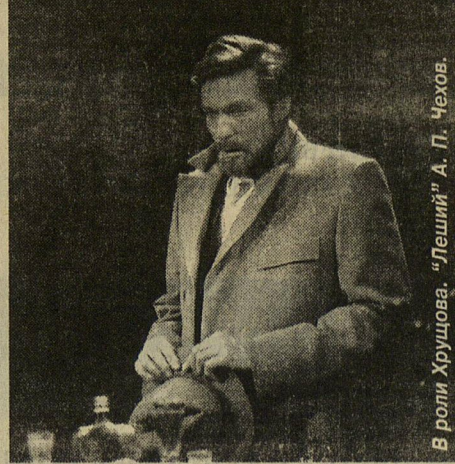
— Конечно.

— Ну и совсем риторический, в таком случае, вопрос. Вы верите в судьбу?

— Верю. Я фаталист. На всю жизнь запомнил — четвертый ряд, семнадцатое место. И вот я на этом самом семнадцатом месте в четвертом ряду к концу спектакля от восторга впал чуть ли не в истерику. Плакал, орал, отбивал ладони. А после спектакля я пошел на берег Амурского залива и, как бы это жутко красиво ни звучало, прощался с Тихим океаном. Я уже знал, что нахожусь во власти чего-то еще не совсем для меня понят-

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

В роли Хрущева. "Леший" А. П. Чехов.

тому что читал я ужасно и к тому же являл собой нечто вроде пылающего факела. Может быть, меня даже из милосердия взяли, боялись, что я тут у них на глазах и помру.

Два года меня не выгоняли. Никак я не мог понять всех этих "глупостей" — этюдов, работы с воображаемыми предметами... В общем, был таким дуболомом. А вот когда уже пошли отрывки, тут как-то моя "творческая жизнь" наладилась. Первый мой отрывок был из "Поднятой целины". Я играл Нагульнова, а Разметнова — Юра Кузнецов — сейчас известный питерский актер.

— А много из Владивостока вышло известных актеров?

— Пожалуй, не очень. Ну вот Валера Приёмыхов. Он как раз и играл тот дипломный спектакль, который решил мою судьбу.

— Потом, насколько я знаю, был Саратов.

— Сначала я играл во Владивостоке. Раскольникова. Трудно, тяжело репетировал и даже кончил нервным срывом. Но сыграл, и даже говорят, неплохо. Затем главный режиссер, уезжая в Саратов, взял меня с собой. Потом стал сниматься. После фильма "Белый снег России", в котором я снимался вместе с Всеволодом Якутом, получил приглашение в Москву. Всеволод Семенович меня и пригласил. И решилось все за пятнадцать минут в аэропорту. Опять — судьба.

— Все-таки больше вас знают как киноактера. Кино и театр, как говорят в Одессе, — две большие разницы. Кем же вы себя в большей степени ощущаете, кино- или театральным актером?

— Кто я в какой степени — это решать зрителю. Но для меня театр — это дом, а кино — командировки. Интересные, увлекательные, но возвращаюсь я всегда домой и всегда с удовольствием.

— Вас не назовешь всеядным артистом. И тем не менее, нет ли ощущения некоторого надоедания в Малом? Ведь вы не так много играете. "Леший", "И аз воздам", и вот "Царь Иоанн Грозный". Правда, последняя роль способна компенсировать любое чувство голода.

— Вот ты правильно сказала. Я не всеядный и не обжора. Мне хватает.

— Значит, вы предпочитаете плитку хорошего шоколада большому количеству леденцов?

— Я вообще шоколад не люблю.

— Прошу прощения за кондитерскую метафору. И все же?

— Да никак я не предпочитаю. Как Бог даст.

— Ну и хорошо, вот вы сыграли Иоанна...

— Может быть, на пятьдесят седьмом спектакле я смогу сказать — сыграл я Иоанна или нет.

— Те, кто смотрели, считают, что сыграл. Спорно, но тем и интересно.

— Хорошо, если я своей работой войду в спор только с критикой. Ведь меня тянет на дискуссию с автором.

Не любит Алексей Константинович Иоанна Васильевича. А я с каждым днем влюбляюсь в эту парадоксальную, удивительную личность все больше и больше...

— Это же естественно...

— Мы же не в сумасшедшем доме. Я же отдаю себя от Иоанна и отношусь к нему, к его страшной судьбе, к тому, что он сделал для России, входя в некоторое противоречие с Толстым. Я очень много читал исторической литературы, вгрызаясь в материал. Я люблю свою историю, горжусь ею и считаю, что каждый русский человек должен, обязан ее знать.

— Последняя реплика умирающего царя — "Духовника!". Уже в агонии, уже на том свете, а "духовника!". Смерти без покаяния боится больше самой смерти. Не есть ли это ключ к образу?

— Есть, есть, только ключей в этой роли не один и не два... И дай Бог мне эти ключи со-брать.

А потом я пыталась прорваться через очень деликатную, но непрошибаемую перегородку между Александром Михайловым и собою. Все мои тщательно придуманные вопросы, рассчитанные на "раскрытие характера", встречали мягкий, но решительный отпор. Он смотрел на меня своими пронзительными синими глазами, улыбался, но дальше определенной им самим границы не пускал.

Шутить не любит, чувство юмора у него есть, но разные забавные байки из жизни не собирает и даже, кажется, их не запоминает. Ирина КАМИТ.

В роли Иоанна.

ня и сейчас зовет к себе, но я уже как-то устал бегать по театрам, а самое главное — к Малому я крепко прикипел душой. Это единственный из многих театров, в котором действительно, как бы банально это ни звучало, есть что-то от храма. Я полюбил Малый, думаю, навсегда. Я возлагаю на него огромные надежды, и не только

мною писателей. Я считаю, что Джек Лондон — самый мальчишеский писатель. В нем — сильно мужское начало. Побольше бы молодежи увлекалось Джеком Лондоном — поменьше бы гомосексуалистов из них выросло.

— А как же возник театр?

— А вот, представь себе, совершенно случайно. Начать следует с того, что в 1963 году я чуть было не погиб в море. Тогда семьдесят с лишком человек легло на дно. Мы попали в Охотском море в обледенение. Это страшная штука: волна, захлестывающая палубу, тут же застывает, корабль покрывается льдом, вся команда его рубит, колет... Судно, на котором был я, выдержало, а два судна затонули. Нас на берегу уже похоронили, и когда я все же сошел живым на берег во Владивостоке, на причале стояла моя мама, которая сказала: "Сыночек, или море, или я". Я списался на берег. Думал — временно. А потом я совершенно случайно встретил однажды своего друга, который предложил мне билет на дипломный спектакль "Иванов" по Чехову первого выпуска Владивостокского института искусств. Вообще-то, я в тот ве-

ного, но крепко меня захватившего. Как, выяснилось, навсегда. Хотя еще год я не решался поступать в театральный, все было как-то странно, неопределенно, и потом — меня чудовищно терзало ощущение неуверенности. И — опять случай. Вот она, судьба! Вдруг вижу объявление: "В институте искусств объявляется дополнительный набор на театральный факультет". Вот не поверишь, я как стоял, так и рванул туда. Примчался и к вахтерше: "Где тут в артисты берут?". И вот встретила меня великая женщина — Вера Николаевна Сундукова. Разумеется, я ни стихов, ни басни, ни прозы — короче, ничего я не знал, но от желания весь трясся. И вот что-то она, Вера Николаевна, во мне углядела, потому что не выгнала, а велела выучить хотя бы басню и прийти завтра. Ну, как я Крылова добывал, это вообще разговор особый.

— Ну и как же?

— Ко всем прохожим на улице стал приставать. Нет ли у кого басен Крылова — спрашивал, представляешь? Нашелся один хороший человек, повел к себе домой и дал книжку. Всю ночь учил, чего-то там с грехом пополам выучил. А утром меня приняли. Как я понимаю, авансом. По-